

Отец рассказывал...

Когда мне предложили 20 лет назад написать небольшую заметку о военных годах моего отца – Крамарова Олега Павловича (его уже, к сожалению, не было в живых), я согласился, однако уже на следующий день я понял, что это задание для меня - не из простых. Неожиданно для себя я открыл, что почти ничего не знаю о военных годах моего отца.

Он очень редко в семейных общениях касался военной темы. Пожалуй, только на празднованиях Дня Победы, когда к нам приходил мой дядя - брат моей мамы - Александр Михайлович Зленко, с которым папа начинал свой военный путь, а потом встретились уже после войны и мой папа познакомился с сестрой дяди Саши – будущей моей мамой, что и послужило, наверное, «зародышем» нашей семьи.

Или когда дело касалось воспоминаний моего второго близкого мне дяди - двоюродного брата папы - Павла Михайловича Чебакова с которым связана вторая часть фронтового пути моего отца.

Однако и эти папины рассказы были скорее воспоминаниями каких-то курьезных эпизодов, а из серьезных впечатлений - практически ничего.

Из этих рассказов в моей детской голове складывалось впечатление, что война - это веселая, полная приключений и совсем не опасная игра для взрослых пацанов. Позже, к воспоминаниям мой папа вообще не возвращался, видимо, считал, что уже и так все хорошо известно, а потому никому не очень интересно.

Мои попытки прояснить какие-то дополнительные детали у единственного после смерти папы и известного мне живого свидетеля

папиных военных лет - у дяди Павла, добавили не очень много. Павел Михайлович в последние годы тоже перестал затрагивать военную тему, наверное из-за сильных нервных переживаний и болезней, которые затем его преследовали.

Целостной картины боевого пути отца у меня так и не сложилось. Отчасти это вызвано и тем, что полк, в котором он служил, был в резерве Главного Командующего (РГК), и их постоянно передислоцировали с места на место - туда, где в данный момент их присутствие было необходимо, что было секретными данными.

По своему назначению гаубичная артиллерия была предназначена для уничтожения глубоко эшелонированной обороны противника, в том числе и специальных инженерных сооружений, коммуникаций и т.п. Полк РГК должен был появляться там, где начиналось наступление или контрнаступление, а значит, значение оперативной связи, получение своевременной и точной информации в этих условиях трудно переоценить. Это возлагало большую ответственность на полк управления связью, которым как раз и командовал мой отец.

После окончания школы в 1941 году, в июле месяца отца сразу направили в Новочеркасское военное училище связи, где осуществлялась подготовка офицеров связи, которая велась по сокращенной программе, завершение которой было в одной из республик Советского Союза.

На одном из празднований Дня Победы

как-то всплыли воспоминания об учебе в Новочеркасске, и я узнал, что в училище папу прозвали "сонным раком". А дело было так.

На тактических занятиях, которые папа не любил из-за того, что простые для него вещи очень долго "разжевывали", он часто подремывал. И вот однажды он уснул по-настоящему. Офицер, который закончил занятия, увидел это и дал знать всему курсу: "Сидеть!", а сам громко скомандовал: "Встать!". Естественно, что единственным, кто вскочил, был мой сонный папа... (Вот только почему "рак" - я так и не знаю, может быть оттого, что у папы была снижена чувствительность пальцев рук к электричеству: он мог спокойно держать в руках провода под напряжением до 100 вольт).

В ноябре 1942 г. молодые лейтенанты были отправлены на фронт.

Отец попал на Воронежский фронт, и практически сразу в его биографии появилась Курская дуга и бои за Прохоровку...

В последние годы отец как-то обмолвился, что нет времени побывать в Курске. На мой вопрос "А что там интересного?", он с какой-то грустью ответил: "Я там воевал..."

Совсем недавно в составе делегации Академии информатизации образования я побывал в Курске и посетил Мемориал. Только там я понял, почему папа сказал об этой битве с такой грустью. Именно там я вспомнил один свой детский разговор с папой, когда мы наряжали новогоднюю елку. Это было очень редко, чтобы мы это делали вместе. Обычно он был на работе, но в этот раз мы наряжали елку вместе! Мне было лет 10-12. Я заметил, что папа не украшает ее гирляндами. Спросил, почему. Он ответил, что гирлянды на елке вызывают у него плохие ассоциации.

Это была одна из его первых боевых операций. Вместе со старшиной, с которым папа уже успел подружиться, налаживали под обстрелом дальнюю проводную связь. Рядом разорвался снаряд. Папу даже не задело взрывной волной. Когда же он повернулся к старшине, то увидел большую елку, на которой гирляндами были развешаны внутренности его друга...

После Курской дуги было форсирование Днепра и взятие Киева, отец уже был в должности начальника связи полка. Затем - Львовская операция, Сандомирский плацдарм, Краков и Прага.

Из ярких воспоминаний отца на меня произвели впечатления события 9 Мая 1945 года, когда уже все праздновали Победу. Это было под Прагой, шел жестокий бой, отец находился на КП и корректировал вместе с фронтовой разведкой точность наведения огня. В это время по радиации он слышит крик "Победа!!!", и в это же время несколько "тигров" прорвались через фланг на наши позиции. Вместо "Ура" папа слышит голос командира артиллерийской части: "Какая... победа, "тигры" жмут! Огня давай!!!". Война для папы официально закончилась только 16 мая 1945 г.

В 1968 году отец побывал в Чехословакии на конференции по физике сегнетоэлектриков. Ему не повезло: незадолго до поездки он сломал ногу и вынужден был поехать с палочкой. Он не мог много ходить, тем не менее, он старался найти знакомые места и привез множество

фотографий. Он рассказывал мне, что почти ничего не узнавал - так изменилась послевоенная Прага.

Я хорошо запомнил некоторые его рассказы о Карпатской операции. В 1974 году в Ужгороде состоялась очередная Всесоюзная конференция по физике сегнетоэлектриков, и мы с папой в составе делегации РГУ были ее участниками (для меня это была первая научная конференция такого уровня, где я самостоятельно выступал). Там, во время экскурсий во Львов и Мукачево, папа много рассказывал, как они несколько раз переходили через Карпаты, как с опаской относилось местное население к советским войскам, как уже после войны он еще целый год служил в Мукачево.

В Мукачевском замке, в знак дружбы русского и украинского народа, посажено дерево. Но, то ли случайно, то ли специально, но это дерево была липа. А сама надпись на мемориальной доске была следующая: "Липа дружбы посажена в ознаменование дружбы между русским и украинским народами"... Наша с папой фотография на фоне этой надписи и сейчас хранится в нашем семейном альбоме...

Интересны переплетения судеб на войне, о которых я косвенно узнавал из рассказов отца.

Столкновения многомиллионных враждующих армий в моем воображении рисовались как некие сложные и постоянно меняющиеся организмы, которые в переплетении перемещаются по планете, перекатываясь через страны и континенты. В этом процессе, как в броуновском движении, выделить и проследить судьбу отдельного человека еще можно, но проследить несколько судеб вместе практически невозможно. Вероятность случайных встреч здесь чрезвычайно мала, тем не менее, отец неоднократно встречал на

фронте близких ему людей.

Первая такая встреча произошла где-то под Курском, другая состоялась под Львовом.

На выходе из госпиталя, в который отец сопровождал кого-то из своих однополчан, он столкнулся с начальником госпиталя - со своей родной тетей (мы с моей сестрой ее звали бабой Ксюшей). Она, только узнав папу, сразу строго спросила: "Алька, что ты здесь делаешь?". По всей видимости, сразу сообразив, что папа не ранен, она подумала, что он пришел лечиться (в это время к ней в госпиталь было много обращений по поводу венерических заболеваний). Такой ход ее мыслей и невероятная радость от этой случайной фронтовой встречи в папиных воспоминаниях, всегда вызывали у него хорошее настроение, и он мог вспомнить еще какой-нибудь эпизод.

Вторая встреча была более "запланированная". Из письма моей бабушки, папа узнал, что "пропавший без вести" папин двоюродный брат - мой дядя Павел жив, бежал из плена, и воевал в партизанском отряде, а теперь - уже в действующей армии. Папа тогда написал письмо Командующему фронтом с просьбой разрешить перевести брата к нему. К удивлению, уже через несколько дней дядя Павел был уже у папы в части. Так они и прошли весь оставшийся военный путь вместе.

После окончания войны папа и дядя Павел вернулись вместе домой, их встретил папин отец, мой дедушка (тоже Павел), который по состоянию здоровья на фронт не попал и работал в тылу.

В семейном альбоме сохранилось несколько десятков папиных военных фотографий. К сожалению, не все они подписаны, не везде есть даты. Очень часто отец фотографировал сам, поэтому на многих снимках его нет. А трофейный фотоаппарат Kodak, которым были сделаны эти снимки, так и хранится в нашей семье.

С.О.Крамаров